

Е. А. ЛЕОНОВА

**О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ ВЫРАЖЕНИЯ
ЭПИЧЕСКОГО В РОМАНЕ ДИТЕРА НОЛЛЯ
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВЕРНЕРА ХОЛЬТА»**

Категория эпического, как известно, требует широкого отображения объективных закономерностей общественного развития, многопроблемности и сюжетной многолинейности, художественной многогранности в воплощении конфликта. Д. В. Затонский считает «самой существенной чертой» классического эпоса «слияние индивидуального и общественного, личности и коллектива»¹, и именно это качество, на его взгляд, наследуется современной эпической прозой.

Нельзя отказать в этом качестве и роману Дитера Нолля «Приключения Вернера Хольта» (1961), в котором уже сама фабула отмечена эпической масштабностью и который явил читателю «картину, быть может, уникальную в литературе ГДР по достоверности и точности изображения чувств и переживаний юнцов в военной форме»².

Роман «Приключения Вернера Хольта» относится к так называемой «Flakhelferliteratur». Это понятие впервые появилось в начале 60-х годов в западногерманском литературоведении и употреблялось по отношению к книгам, авторы которых в 1943—1944 годах пятнадцати- и шестнадцатилетними подростками были призваны для несения службы в качестве вспомогательного персонала фашистской противовоздушной обороны. О судьбе этих подростков, брошенных в огонь войны по приказу о «тотальной мобилизации», поведал уже Б. Келлерман в одном из эпизодов своего романа «Пляска смерти» (1948): архитектор Фабиан пытается разыскать в груде мальчишеских трупов тело своего сына. Позже эта тема получила развитие во многих произведениях писателей ГДР (в частности, в романе В. Нейхауза «Украденная юность», в поэзии Уве Бергера). «Флакхельферами» начинают свой солдатский путь и герои Дитера Нолля.

Д. Нолль, если иметь в виду его дилогию о Вернере Хольте в целом, не отступает от традиционного подхода писателей ГДР к изображению войны, при котором фронтовые переживания немецкого солдата являются своего рода «преддверием» к истории жизни героя после войны. Но первый том — «Приключения Вернера Хольта. Роман одной юности» — пожалуй, «одно-единственное произведение, которое может служить образцом того, как война изображается не в воспоминаниях и наплывах, а описана как годы жизни героя или «антигероя»³.

Пребыванием героя на войне сюжет, однако, далеко не исчерпывается. Эпически расширить его помогает уже «пролог» о Хольте-школьнике, сознательно предпосланный автором повествованию о Хольте-солдате, чтобы показать атмосферу фашистской Германии конца войны. При этом Д. Нолль, подобно другим писателям ГДР, изображавшим немецкую школу периода гитлеризма как истинную школу фашизма (М. В. Шульц, Ф. Фюман, Р. Шмаль и др.), очевидно, следовал традициям Г. Манна и Л. Франка, создавших яркие, остросатирические фигуры учителя Гнуса и учителя Магера.

Помимо школы, внесли свою лепту в воспитание Хольта «в духе кастовой ограниченности» и его родители, хотя семьи у него, в сущности, нет. Мать, добропорядочная представительница милитаристской буржуазии, рассталась с мужем после того, как он, ученый-химик, отказался работать над созданием яда для массового уничтожения людей и разрушил этим свое «жизнейское благополучие», стал «предателем и изменником». Но и он в немалой степени повинен в «слепоте» своего сына, ибо одной из самых опасных его иллюзий «было убеждение, будто можно, стоя на злыбы дня, спокойно работать на пользу людям»⁴. Тема «отцов-детей», типичная для «романа воспитания», проходит у Д. Нолля через все повествование.

Мотив «приключений» Вернера входит в роман с заглавием и постоянно акцентируется, воплощаясь, наконец, в мечте героя о войне как о «большой жизни», «единственно стоящем приключении». Многие предстоит пережить Вернеру Хольту, прежде чем его военные «приключения» предстанут перед ним в истинном свете.

Название книги наводит на мысль о ее возможном сходстве с приключенческими и авантюрно-плутовскими романами. Но первые же стра-

ницы заставляют ощутить в этом названии иронию автора. Суть «приключений» главного персонажа — испытание и опровержение войной ложных идеалов. Важную функцию выполняет подзаголовок — «Роман одной юности», который расширяет смысл заглавия, содержит в себе намек на его полемичность, на типичность жизненного пути Хольта.

Эпически раздвинуть рамки романа, показать более полно и многогранно судьбу молодежи, вступление которой в самостоятельную жизнь совпало с последними годами гитлеризма, позволило писателю введение в роман и других представителей этого поколения немцев — одноклассников Хольта. Особое место в их ряду отведено Гильберту Вольцову. Этот образ нов для прозы ГДР о войне, он отличает роман Д. Нолля от других произведений на ту же тему. Вольцов выступает в паре с Хольтом. Такие пары героев, чья «дружба-вражда» подвергается испытанию войной, характерны для большинства книг писателей ГДР о фашизме и войне (М. В. Шульца, Р. Шмала, Г. Хофе и др.), их родословная восходит к классическому «роману воспитания». Но образ Вольцова вместе с тем и вполне самостоятелен, художественно завершен, он нарисован столь выпукло, что в отдельных эпизодах заслоняет собой фигуру главного персонажа. Вольцов, с одинаково жестоким равнодушием убивающий собаку и человека, привлекает Хольта твердостью, отсутствием сомнений, познаниями в военном деле, а главное — «беспечностью убийцы, чья совесть спокойна и верен расчет». Показательно, что если на первых порах судьба в представлении Вернера — перст всевышнего, то позже она воплотится для него в целом ряде реальных явлений и людей, в частности, в Вольцове: «Моя судьба — человек, живой человек из плоти и крови...» Это еще не сама истина, но уже подступ к ней, ибо мысль Хольта от Вольцова идет дальше, к обобщению произошедшего: «...он (Вольцов. — Е. Л.) — или другой — как здесь, так и ... по всей стране... система, хорошо продуманная, знаки различия, мундиры, целая иерархия насилия — вот наша судьба!» (530).

Несмотря на принадлежность к относительно узкому общественному кругу — касте прусского офицерства, Вольцов типичен для периода нацизма и войны. Но это иного рода типичность, нежели типичность главного героя — Вернера Хольта. Вольцов — продукт нацистской и милитаристской идеологии и одновременно ее носитель и распространитель. Д. Нолль сознательно придает образу Вольцова обобщенный характер, что выразилось прежде всего в аналогии между Вольцовым и «дьяволом». Символичен и конец Вольцова: это конец войны и фашизма. Но с этим образом связана в романе и тема, ведущая к современности: «военная каста, которая не раз пыталась надменно отмежеваться от нацизма после его поражения, ...была и остается в Федеративной Германии... вернейшей опорой реакции» (11). Именно в том, что, несмотря на «привязанность» к определенному периоду истории, книга дискутирует по многим вопросам сегодняшнего дня, увидели ее силу многие литературоведы ГДР⁵.

Д. Нолль прослеживает несколько человеческих судеб, различных реакций на фашизм и войну и, соответственно, несколько «финалов»: дезертирство из гитлеровской армии (Гомулка), стихийный протест против фашистского насилия (Визе), полное отупение и приспособленчество (Феттер), позорная гибель (Вольцов), прозрение и трудный поиск истины (Вернер Хольт). Смысл всех этих вариантов — в авторском стремлении к объективности, к эпической глубине раскрытия изображаемых событий. Здесь как нельзя более уместны слова В. И. Ленина: «Опыт войны, как и опыт всякого кризиса в истории, всякого великого бедствия и всякого перелома в жизни человека, отупляет и надламывает одних, **но зато просвещает и закаляет других**, причем... число и сила этих последних оказывались... больше, чем первых»⁶.

Если в начале произведения преобладает конкретно-изобразительный принцип, то постепенно возрастает значение аналитического момента. Исторические события у Д. Нолля «пропущены» через сознание главного героя, но при чтении романа не утрачивается целостное представление о судьбе поколения. С духовной активностью главного персонажа связана существенная стилиевая особенность: авторский рассказ в романе Д. Нолля сведен к минимуму, он почти вытеснен показом.

В композиционном отношении роман Д. Нолля традиционен. По поводу широко используемых в современной литературе ретроспекции, смещения временных плоскостей Д. Нолль говорил: «Мне думается, это чи-

сто формальный прием... в целом я никогда не отойду от традиционной формы классического романа, развертывающегося в хронологической последовательности»⁷. Действительно, для романа Д. Нолля характерны целостность, философская обобщенность, архитектурная законченность. Процесс духовной эволюции героя носит логический, целенаправленный характер.

Автор вовсе не канонизирует форму классического романа. Следование традициям у Д. Нолля удачно соединяется с современной манерой повествования, с новыми художественными приемами, с поиском новых изобразительных средств. Роман реалистически конкретен и одновременно насыщен образными опосредствованиями. В художественный контекст произведения органически вплетается множество символов, создающих в романе глубокое «подводное течение», подтекст. Художественная манера Д. Нолля такова, что очень часто конкретное событие превращается в метафору, в символ. Символичны, например, эпизод «присяги на верность» Вольцову, сцена ограбления подростками хутора, предвосхищающая многочисленные преступления гитлеровцев на оккупированных территориях. Особенно глубокий символический смысл имеет эпизод с лесопилкой. Хольт и его товарищи во время пребывания в Словакии оказались на лесопилке, где обнаружили истерзанный и распиленный эсэсовцами на куски труп красноармейца. Этот эпизод окончательно раскрыл глаза товарищу Хольта по школе и фронту Зеплу Гомулке: «Этого не может, этого не должно быть, чтобы такое побеждало!» (397). «Ты знаешь, что вся Германия сейчас все равно, что эта лесопилка, Вольцов» (466), — скажет Гомулка позже, перед тем, как перейти к русским. Не может не думать об этом и Хольт: «Бой Вольцова на лесопилке... был символичен. Они дрались... чтобы прикрыть кровавое, чудовищное злодеяние! Кто же виноват в том, что... мы ведем ничем не оправданный, безнадежный бой лишь затем, чтобы не дать пролиться свету, чтобы скрыть во мраке ночи тысячи таких вот лесопилок?» (411).

Так выявляется еще одна особенность поэтики Д. Нолля: символ, сам по себе выполняющий важную функцию в романе, обнаруживает свои новые грани, становясь лейтмотивом произведения. Эпическое звучание и особую стилистическую окраску придает роману и сознательная параллель с симфоническим произведением.

Д. Нолль как художник впитал опыт Б. Брехта с его приемами условности, очуждения, А. Зегерс с ее психологизмом и символикой, опыт немецкого классического «романа воспитания» и европейского романа об «утраченных иллюзиях». Очевиден интерес Д. Нолля к идейно-образному строю и художественной форме произведений В. Гюго, что признает сам писатель: «...меня очень привлекает у него расстановка героев и связь сюжетных линий»⁸.

Особенности реалистического мастерства Д. Нолля, проявившиеся и в идейно-образном содержании, и в форме и стиле романа, — глубина и тонкость психологического анализа, ощущение перспективы, философская насыщенность — позволяют оценивать «Приключения Вернера Хольта» как этапное произведение эпического характера, как образец «новой ступени в художественном воплощении военного и послевоенного периодов»⁹.

¹ Затонский Д. Искусство романа и XX век. М., 1973. С. 513.

² Млечина И. Жизнь романа: О творчестве писателей ГДР 1949—1980. М., 1984. С. 243.

³ Шульц М. В. Защищать мир на земле // Вопросы литературы. 1970. № 12. С. 128.

⁴ Нолль Д. Приключения Вернера Хольта: Роман одной юности. М., 1962. С. 212. В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию с указанием в тексте страницы.

⁵ См.: Sechs Personen diskutieren einen Autor: Gespräch über den zweiten Band des Romans «Die Abenteuer des Werner Holt» von Dieter Noll // Neue Deutsche Literatur. 1964. № 4. S. 105—119.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 220.

⁷ В гостях у «Иностранной литературы» писатель Дитер Нолль и критик Вилли Левин // Иностранная литература. 1964. № 4. С. 259—260.

⁸ Там же. С. 260.

⁹ Weimarer Beiträge. 1964. № 5. S. 802.